

Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія «Юридична»; головний редактор Р.І. Благута. Львів: ЛьвДУВС, 2018. Вип. 2. С. 243–252.

9. Бабанли Р.Ш. Погроза вбивством: значення та місце в системі кримінального права України: автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.08 «Кримінальне право та криминологія; кримінально-виконавче право». К., 2010. 19 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Димитров Максим Константинович – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dimitrov Maksim Konstantinovich – Postgraduate Student at the Department of Criminal-Legal Disciplines of Lviv State University of Internal Affairs

dimitrovmaksym@gmail.com

УДК 343.01

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Анна ДРАГОНЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры отраслевого права и правоохранительной деятельности
Центральноукраинского государственного педагогического университета
имени Владимира Винниченко

АННОТАЦИЯ

В работе исследуется становление и развитие судебного прецедента в уголовном праве зарубежных стран. С этой целью по трудам ученых проведен анализ места судебного прецедента в системе источников уголовного права зарубежных государств. Сделан вывод, что судебный прецедент имеет рекомендательный или обязательный характер применения, основной целью которого является заполнение пробелов в законодательстве об уголовной ответственности, которые сложились во время нормотворчества.

Ключевые слова: судебная практика, прецедент, источник уголовного права, уголовный закон.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE JUDICIAL PRECEDENT IN THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Anna DRAGONENKO,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Public Law and Law Enforcement
of Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University

SUMMARY

In work examines the establishment and development of judicial precedent in the criminal law of foreign countries. For this purpose, according to the works of scientists, the place of judicial precedent in the system of sources of criminal law of foreign states was analyzed. It is concluded that the judicial precedent has a recommendatory or mandatory nature of application, the main purpose of which is to fill in the gaps in the legislation on criminal liability, which were formed during the rule-making.

Key words: judicial practice, precedent, source of criminal law, criminal law.

Постановка проблемы. Полное и всестороннее изучение судебного прецедента предусматривает рассмотрение этого института в рамках анализа его исторического развития, как справедливо заметил дореволюционный криминалист Г. Фельдштейн: «Состояние законодательства любой эпохи может служить хорошим показателем степени развития науки уголовного права в этой стране, особенно в том случае, когда в этой стране институт способен усовершенствовать уголовное законодательство и предоставить ему более систематическую форму. Нельзя допустить, чтобы законодатель в случае такой необходимости не воспользовался возможностями, которые может предоставить ему наука» [1, с. 48].

Актуальность темы исследования. Исторический метод в исследовании судебного прецедента позволяет глубже понять основные причины и условия его возникновения и тенденции его развития, характер и особенности его применения. Рассмотрение судебного прецедента сквозь призму его истории дает возможность исследовать его не только в статике, но и в динамике, проследить эволюционные изменения его места и роли в регулировании уголовно-правовых отношений, глубже понять, чем этот институт был раньше и чем он стал сегодня. Именно исторический подход позволяет охватить его единым взглядом и исследовать весь процесс его возникновения и развития как естественный, целостный процесс,

и, в конечном счете, помогает определить те движущие силы (объективные и субъективные факторы), которые были положены в основу эволюции судебного прецедента и влияли на него на всем пути его развития. Наконец, исторический метод дает возможность установить наиболее характерные для судебного прецедента особенности и черты, которые способствовали его многовековому развитию и совершенствованию.

Состояние исследования. Изучение становления и развития судебного прецедента в уголовном праве осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать таких: П.П. Андрушко, Ю.М. Дроздов, Т.В. Гурова, О.В. Каплина, В.О. Котюк, А.С. Куземаев, Д.В. Кухнюк, Я.М. Магазинер, И.И. Митрофанов, Н.В. Нор, А.В. Онищенко, Н.М. Пархоменко, П.П. Пилипчук, А.В. Савченко, О.Ф. Скакун, М.И. Хавронюк, Д.Ю. Хорошковская, С.В. Шевчук и др.

Целью и задачей статьи является исследование становления и развития судебного прецедента в уголовном праве зарубежных стран.

Изложение основного материала. Судебный прецедент как самостоятельный правовой институт известен с давних времен. Впервые как источник права он появился в III в. до н. э. в Древнем Риме, где в пределах эдиктов преторов (судей) судебный прецедент становится одной из форм правотворчества в системе римского права. Сконцентрировав в своих руках правосудие, в III в. до н. э. преторы стали устанавливать общие правила оформления правосудия и объявлять их в письменной форме – эдикте.

Вместе с тем такая правотворческая деятельность судебных магистратов возникла не сразу, а в результате исторического развития права в Древнем Риме. Сначала судебный прецедент не влиял на авторитет и силу законов, а только помогал их выполнению, укрепляя общественные отношения, которые регулируются законом. В научной литературе высказано предположение, что причиной важной роли эдиктов преторов была особенность римского государственного права [2, с. 281].

История развития судебного прецедента в Древнем Риме свидетельствует,

что судебный прецедент, не отменяя формально нормы права, указывал пути для признания новых отношений и благодаря этому стал источником права. Предоставляя вопреки закону средства защиты, судебный прецедент создавал новые нормы права. Не случайно юрист Марциан (D.I. 1.8) называл преторское право «живым голосом права» в том смысле, что преторский эдикт быстро откликался на новые требования жизни, удовлетворяя их [3, с. 337].

В процессе исследования судебного прецедента ученые справедливо сделали вывод, что именно в эпоху средневековья судебный прецедент нашел свою историческую родину в англосаксонской правовой системе. Есть еще одна особенность, которая заставляет обратить пристальное внимание на историю судебного прецедента в Англии. На нее указал А.К. Романов в своей монографии «Правовая система Великобритании». «Особенность права Англии, – пишет он, – непрерывность и преемственность его развития. Действительно, за всю свою многовековую историю оно не претерпело больших потрясений и катастроф <...> Действующее право и его институты никогда не отрывались от своих исторических корней и традиций. В нем прошлое органично проросло в настоящее время» [4, с. 58]. Через своеобразие английской правовой системы почти не просматривается отличия ее правовой теории от истории. Поэтому анализ истории права Англии позволит наиболее полно раскрыть правовую природу и сущность судебного прецедента.

На сегодняшний день в современной Англии основными источниками права (в том числе и уголовного) являются уставы (парламентское законодательство) и судебные прецеденты. Хотя некоторые важные вопросы Общей части уголовного права в данный момент получили свое законодательное решение, все же значительная их часть существует до сих пор в том виде, в котором они были сформулированы в судебных прецедентах. Отсутствие в Англии Уголовного Кодекса является специфической особенностью уголовного права и следует из всего хода исторического развития английского права. Можно сказать, что судебная практика является наиболее древним источником ан-

глийского права. По мнению Н.Н. Полянского, «общее право в значительной части является продуктом настоящего судебного правотворчества. Можно без преувеличения сказать, что английские суды конкурируют с парламентом по поводу создания и преобразования права: очень часто их решения, хотя, конечно, не прямо, а опосредованно, путем толкования общих начал и принципов, меняются и отменяются нормами законов» [5, с. 10–12]. Так, судьи Суда Королевской скамьи в XII – XIII в. разработали правила ответственности за наиболее тяжкие преступления – фелонии, а в XIV в. – за менее тяжкие преступления – мисдиминоры. Позже определенную роль в формировании прецедентного уголовного права сыграл Суд Звездной палаты, который, рассматривая конкретные дела, положил начало современной доктрине покушения. И сегодня ответственность за некоторые преступления устанавливается по общему праву. Это означает, что их определение можно найти не в парламентском акте, а в судебных решениях. В данном случае речь идет не только об определении преступления как такового, но и о наказании, которое должно быть назначено виновному.

Однако доктрина прецедента в ее современной форме сложилась только в XIX в., и этому предшествовал длительный исторический процесс. Началом создания общего права принято считать XI в., когда в Англии проходили нормандские завоевания. Вильгельм I Завоеватель начал свою деятельность по признанию местных обычаев, связанных с земельными угодьями, зафиксировав их в Книге Страшного суда. В дальнейшем судебная реформа, проведенная Генрихом II, была направлена на укрепление королевской власти за счет вторжения в юрисдикцию феодалов.

Наиболее эффективно укреплению центральной власти способствовали разъездные суды. Именно через них главным образом идет процесс образования общего права. Королевские судьи в округах, где они в период своих разъездов осуществляли правосудие, знакомились с местными обычаями, а съезжаясь вместе, суммировали эти обычаи, чтобы вывести общие правила для одинакового рассмотрения дел в будущем. Сначала предпочтение отдавалось именно обычаям, что

соответствовало программе укрепления центральной власти. Однако судьи руководствовались не только обычаями, они корректировали их нормами римского и канонического права, пришедшими с континента, а возможно, и нормандскими законами. Учитывая эти источники, каждый судья выбирал подходящий, по его мнению, вариант конкретного дела, который и становился прецедентом на будущее. Так складывалось «общее» для всей страны право. Нормы его закреплялись решениями судей и заносились в так называемые «Свитки тяжб». Но с течением времени нормы общего права перестали совпадать с нормами обычного права, в результате чего значение местных обычаев потерялось, и на их месте сложились общие принципы и правила, которые применялись в королевских судах. В основе закрепления таких правовых норм лежал принцип аналогичного решения, впервые сформулированный в XIII в. ученым-юристом Брактоном.

К концу XIII в. роль и значение статутного права растет. Одновременно устанавливается право судей интерпретировать уставы, судьи присвоили его себе, ссылаясь на то, что, участвуя в парламенте при обсуждении уставов, они лучше других могут объяснить их содержание. Таким образом, прецеденты распространились на дополнительную сферу – толкование законов.

Параллельно с общим правом и в дополнение к нему с конца XIV в. развивается право справедливости – совокупность принципов и правил, разрабатываемых практикой суда канцлера, в котором впоследствии выработалась и своя система прецедентов. Во время судебной реформы 1873–1875 гг. общее право и право справедливости слились воедино.

Конец XVII века и весь XVIII век – это время, когда судебные решения становятся настоящими источниками права, с помощью которых вводятся новые буржуазные принципы.

Правовые теории конца XVII – XVIII веков провозглашают необходимость следовать прецеденту как доказательству реальности правовых норм. Одновременно, стремясь избежать обязанности применять несовместимые с буржуазными правоотношениями прецеденты, они достаточно гибко обосновывают возможность

уйти от прецедента, апеллируя при этом к «естественному» праву, «справедливости» и «разумности». Эти противоречивые теоретические строения, будучи модифицированы в XIX веке под влиянием призывов к усилению императивности буржуазных норм, воплотились в конечном итоге в современной доктрине прецедента.

Современной доктрине прецедента непосредственно предшествовали два обстоятельства: 1) судебная реформа 1873–1875 гг., 2) введение регулярных публикаций судебных отчетов. Таким образом, одна из важных черт судебного прецедента как источника английского уголовного права состоит в том, что судебные решения образуют прецедент до тех пор, пока они не будут официально опубликованы. О том, кто и когда стал описывать споры сторон в суде и решение судей, рассматривавших дела как в разрезных, так и в Вестминстерских судах, существуют разные мнения: некоторые английские историки считают, что первые записи делали клерки судов, другие – что сначала это были конспекты студентов-юристов [6, с. 64]. Однако уже к концу XIII в. такие записи получили распространение среди судей и членов корпорации правозаступников, которые возникли в то время. Первые такие записи получили название «Ежегодники», были рукописными, а затем, с изобретением книгопечатания, печатными, с указанием составителей. Эти тома содержали краткие сообщения об обстоятельствах дела, имена преступников, судей, барристеров, краткое описание доказательств и решений судей.

Следует отметить, что развитие общего права основывалось на сложившихся в судебной практике правилах применения прецедента. Основной принцип, которого придерживаются при осуществлении правосудия, состоит в том, что подобные дела решаются подобным образом. Некоторые области английской права, в том числе и уголовное право, в значительной степени основаны на решениях судей, чьи выводы публиковались в судебных отчетах в течение семи веков. В настоящее время вся английская система прецедентов сводится к следующему: каждый суд обязан следовать решению высшего в иерархии суда, а апелляционные суды связаны своими предыду-

щими решениями. Исключение составляет Палата лордов, которая, начиная с 1966 г. вправе изменить практику, отступив от предыдущего решения, когда сочтет это необходимым. Действие доктрины прецедента зависит от иерархии судов. Высший суд может отвергнуть решение нижестоящего суда и, в некоторых случаях, свои предыдущие решения. Кроме того, любая правовая норма, в том числе и прецедент, может быть изменена парламентским актом.

Таким образом, именно эпоха средневековья оказалась для прецедентного права расцветом в его исторической эволюции. Этот процесс был связан с зарождением в Англии системы общего права. По сути, английская правовая система стала своеобразной родиной современного прецедентного права.

В эпоху Возрождения, когда на исторической арене формируется буржуазия, возникает новое мировоззрение. Место теологической теории и догм божественного права занимают понятия «человеческого права». В связи с этим в корне меняется отношение к письменному праву.

XVIII век был веком наибольшего подъема естественно-правового настроения. Пестрота позитивного права и его отсталость от требований жизни, выросшей за рамки старого феодального строя, в значительной мере способствовали установлению чрезвычайно свободы представления судов о своей роли. Под видом выполнения закона суды при решении конкретных случаев охотно проводили в жизнь то, что им казалось вытекающим из принципов естественного права.

Однако вскоре идеологи идущей к власти буржуазии в уголовном праве выдвинули принцип «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» («нет преступления, нет наказания без прямого указания на то закона») как священный принцип, на котором должно строиться любое разумное общество. Из этого следовало, что судья не может по произвольному, а тем более безосновательному усмотрению добавить или домыслить закон такими положениями, которые в нем не содержатся. Закон и только закон должен определять уголовно-правовые нормы, а любой открытый или завуалированный выход судьи за пределы этого императива суть грубое нарушение указанного принципа.

Этот принцип нашел поддержку в работах большинства основных буржуазных авторов XVIII века, которые занимались исследованием места судебной власти в обществе. В частности, правовые теории эпохи французской буржуазной революции исходили из признания закона единственным источником права. Закон (как выражение воли буржуазии, отождествляющей себя с народом) рассматривался в качестве единственного правообразующего фактора, и, естественно, судебному прецеденту не находилось места в системе источников права. Считалось, что судьи – это только уста, произносящие слова закона. Данная концепция опиралась, прежде всего, на учение Монтескье о разделении властей. Доктрина, признававшая суд лишь ограниченным в своих полномочиях интерпретатором закона, нашла свое практическое отражение в создании кассационного трибунала во Франции. Целью его учреждения было обеспечить не только точное, но и по возможности буквальное применение закона судами.

Сам автор теории разделения властей, Ш. Монтескье, в своей работе «О духе законов», рассуждая о природе политической воли гражданина, утверждал, что она должна основываться на таком правлении, «при котором один гражданин может не бояться другого», и приходил к категорическому выводу: «Не будет свободы <...> если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем» [7].

Наиболее резкой критике судебный прецедент подвергся со стороны крупнейшего итальянского ученого-правоведа Ч. Беккариа. В своей известной книге «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) он рассматривал вопрос о толковании законов. Автор был убежден, что при существовании законов, точно и твердо определенных, каждый гражданин может рассчитать неудобство плохого деяния. А это полезно, потому что, по мнению Беккариа, это знание может отвлекать его от преступления. В связи с данной точкой зрения предлагалось усилить зависимость судов от закона, устранить возможность судебного субъективизма, даже если бы для

этого понадобилось лишить их права толкования правовых норм. Эта тенденция отразилась во всех ведущих государствах континентальной Европы.

А.И. Покровский, обращаясь к причинам негативного отношения буржуазной правовой идеологии к судебному прецеденту, писал: «... широкая свобода судов приводила к развитию судебного субъективизма, к самым произвольным решениям и вместе с тем к еще большему усилению той неопределенности права, от которого вообще страдал XVIII век» [8].

Однако идея полной изоляции судебной власти от правоприменительной интерпретации на практике не могла выдержать столкновений с действительностью. Выше уже говорилось, что как бы ни был совершен закон, правоприменитель «обречен», в силу ряда объективных и субъективных причин, на столкновение с общественными отношениями, которые окончательно не урегулированы правом. Поэтому отношение буржуазной правовой доктрины в роли судебной практики постепенно начинает меняться. Наступает новый этап: при общем ограничении роли суда «применением» закона предполагается его компетенция восполнять пробелы права «в духе закона» и соответственно вносить «коррективы» в применяемый закон.

Так, во Франции в эпоху революции закон 24 августа 1790 г. было предписано судам обращаться к законодательному собранию «toutes les fois, qu'ils croiraient necessaire d'interpreter une loi» (во всех случаях, когда они сочтут необходимым толковать закон). Но и здесь это правило оказалось невозможным, и в Code Napoleon был включен § 4, запрещающий судам останавливать производство под предлогом молчания, темноты или недостаточности закона, вследствие чего им, естественно, возвращалось и право толкования.

Также в Австрии § 26 Иозефинского кодекса 1786 предписал в случаях сомнения обращаться к монарху. Однако в проекте Мартини вопрос ставится иначе: так как высший источник всякого права – естественное право, то для восполнения пробелов судья может обращаться к последнему.

Таким образом, судебный прецедент как источник права сохраняет свое правовое значение, хотя он поставлен

здесь уже на самое последнее место; первенство отдается положительному закону, а толкование крепче привязывается к последнему.

После сравнительно длительной эволюции правовая теория до конца XIX – начала XX в. вошла в промежуточную стадию, что привело к признанию полной эмансипации судебного прецедента, превращению его в самостоятельный источник права. Промежуточный характер доктрины этого периода должен считаться потому, что, признавая значение судебной практики в формировании права, эту практику, тем не менее, рассматривают как подвид обычного права. Достаточно большое число авторов, вслед за известными французскими юристами начала XX в., такими как Жени, Ламбер, воспроизводят теоретическую конструкцию, согласно которой судебная практика рассматривается как разновидность обычного права.

Симптомом дальнейшего развития этой концепции является увеличение числа работ, в которых подчеркивался «специфический», «особый», «условный» характер судебной практики как подвида обычного права. Французские юристы Анри, Леон и Жан Мазо, например, возражают против безоговорочного отнесения судебного прецедента к источникам права и особенно подчеркивают специфический характер судебного прецедента. Последний, отмечают они, представляет собой «обычай особого рода». Еще в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, известный французский теоретик права Ж. Рипер в соавторстве со своим коллегой Пляниолем подчеркивал, что суды создают «обычное право новой формации».

Процесс эволюции буржуазной правовой доктрины по данному вопросу завершился четким и определенным признанием судебного прецедента самостоятельным источником права. 26 июня 1935 были изданы новеллы (параграфы 170а и 267) в Strafprozess, устанавливающие аналогию уголовного закона и права.

Параграф 170а говорил: «Если какое-либо действие, которое здравым народным мнением считается достойным наказания, не предусмотрено законом в качестве наказуемого, то государственная прокуратура обязана поставить вопрос, не охватывается ли

это действие основной идеей любого уголовного закона, и нельзя ли будет путем соответствующего применения этого закона способствовать торжеству справедливости».

В параграфе 267 говорилось то же самое в отношении судебного разбирательства: «Если в результате судебного следствия выявится, что обвиняемый совершил действие, которое здравое народное воззрение считает заслуживающим наказания, но которое законом не предусмотрено в качестве наказуемого, то суд обязан поставить вопрос, не охватывается ли это действие основной идеей какого-либо уголовного закона, и нельзя ли путем соответствующего применения этого закона содействовать торжеству справедливости».

Из вышесказанного следует, что нельзя однозначно утверждать о неприменимости судебного прецедента в уголовном праве стран романо-германской правовой системы. С одной стороны, были тенденции отрицания судебного прецедента и его нормотворчества, а с другой стороны, целый ряд авторов и целый ряд законов, а также практическая деятельность суда решали вопрос в другом направлении, допуская возможность суда не только интерпретировать уголовный закон, но и создавать новые нормы при наличии пробелов в праве. Идея в этом направлении зашла настолько далеко, что в некоторых буржуазных странах на законодательном уровне допускалась возможность создания судьями новых составов преступлений.

Вопрос о судебном прецеденте стоял очень остро на Западе перед Второй мировой войной. Он обсуждался на IV международном конгрессе права в Париже и на II международном съезде сравнительного правоведения в Гааге в 1937 году. Результатом этого стала резолюция Парижского конгресса: «Положения права, которые определяют нарушения, должны выкладываться в общих выражениях, чтобы способствовать приспособлению права к социальным потребностям».

По мнению А.А. Герцензона, ни законодательство, ни практика, ни теория буржуазных государств никогда полностью судебный прецедент не отрицали. Он также указывал, что «буржуазное уголовное право, провозгласив принцип *nullum crimen* и отразив его в кодексах, систематически нарушало его целым рядом оговорок, отступлений,

изданием чрезвычайных законов и т.д.; широкая практика расширительным толкованием законов фактически заменяла аналогию» [9, с. 60].

За применение судебного прецедента в уголовном праве выступали многие известные западные ученые-правоведы. Р. Иеринг в работе «Цель в праве» впервые выдвинул задачу, что право надо изучать не только как систему норм и понятий, а как реальное явление. По его мнению: «Высшая цель права состоит не в исключении возможности формального произвола, а в осуществлении материальной справедливости» [10, с. 311].

Выводы. Итак, исследования в области истории зарубежного права свидетельствуют, что создание и развитие уголовного права в значительной степени зависело от накопления судебных решений. Для конкретного случая суд творил право, а затем в результате постепенного обобщения этих решений создавались совместные юридические нормы, которые носят казуистическую форму. Как было показано, судебные решения судьи были и продолжают оставаться одним из существенных источников уголовного права зарубежных стран, из-за чего обязательное правило поведения становится обязательной правовой нормой (судебным прецедентом). Благодаря этому часто обрекался на бездействие закон и вводился на его место новый. В связи с этим следует сказать, что во многих странах романо-германской системы права отношение к судебному прецеденту не всегда отражает реальное представление о фактической его роли в регулировании правоотношений. Однако судебная практика чрезвычайно широко используется не только для правильного уяснения смысла закона, но даже для аргументации судебных решений. Более того, утверждается, что большую часть фактически действующего права можно найти в судебных решениях.

Список использованной литературы:

1. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России (воспроизводится по изданию Ярославль, 1909 г.). Москва: Зерцало, 2003 г.
2. Підпригора О.А., Харитонов С.О. Римське право: підруч. К.: Юрінком Інтер, 2009. 528 с.

3. Бостан Л.М. Історія держави і права зарубіжних країн. 2-е вид. перероб. й доп.: навч. посібник. К.: Центр учбової літератури, 2008. 730 с.

4. Романов А.К. Правовая система Великобритании: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2014. 288 с.

5. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1969. 399 с.

6. Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 132 с.

7. Азаркин Н.М. Монтескье. М: Юридическая литература, 1988. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/A/AZARKIN_Nikolay_Mihaylovich/_Azarkin_N.M.html

8. Покровский И.А. Право и факт в римском праве. Часть II: Генезис преторского права. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира Акцион. О-ва печатн. и издат. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1902. – [2], URL: <https://naukaprava.ru/catalog/411/432/501/16086>

9. Уголовное право. Общая часть: учебник / А.А. Герцензон, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, Б.С. Утевский; науч. ред.: В.Д. Меньшагин. 4-е изд., перераб. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 575 с.

10. Иеринг Р. Цель в праве; под ред.: В.Р. Лицкого; пер.: В.Р. Лицкий, Н.Ф. Дерюжинский, Н.В. Муравьев. СПб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881. 425 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Драгоненко Анна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры отраслевого права и правоохранительной деятельности, Центральноукраинского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dragonenko Anna Aleksandrovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Public Law and Law Enforcement of Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University

onsha@inbox.ru